

**СООТНЕСЁННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ С РАЗНОУРОВНЕВЫМИ
СРЕДСТВАМИ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ**

16. Поройкова Н. И. К характеристике семантической структуры ситуации побуждения / Н. И. Поройкова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 25-35.
17. Козырев В. И. Модальная характеристика безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке / В. И. Козырев // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 35-42.
18. Корнилов А. А. Субъективно-модальная характеристика высказывания с точки зрения достоверности-недостоверности его содержания / А. А. Корнилов // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 43-51.
19. Андреева И. С. О модальной характеристике высказываний, включающих номинативные конструкции / И. С. Андреева // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 51-55.
20. Вольская Л. А. Темпоральная отнесенность и лицо субъекта действия в высказываниях с формами повелительного наклонения / Л. А. Вольская // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 64-72.
21. Калабухова Т. А. Потенциальное значение высказываний с формами совершенного вида при отрицании / Т. А. Калабухова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 72-82.
22. Дмитриева Л. К. Таксис в ряду однородности / Л. К. Дмитриева // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 82-88.
23. Королькова А. В. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с глаголами прошедшего времени совершенного вида в безличной форме, обозначающими явления природы / А. В. Королькова // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания : межвуз. сб. науч. трудов. – Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 115-124.
24. Тарасова Е. В. Языковое поле как единица дидактической типологии : учеб. пособие для студ. IV-V курсов фак. иностр. языков (англ. отделение) / Е. В. Тарасова. – Харьков : ХГУ, 1991. – 111 с.
25. Тарасова Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков : Основа, 1992. – 136 с.
26. Бондарь О. І. Темпоральні відношення в сучасній українській літературній мові : Система засобів вираження : наук. монографія / О. І. Бондарь. – Одеса : Астропринт, 1996. – 192 с.
27. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет) : учеб. пособие / И. Р. Федорова. – Калининград : Калининградский гос. ун-т, 2000. – 85 с.

Фокина С.А.

УДК 821.161.1-1 Цветаева“19”

**ФАКТОР МЕТАМОРФОЗ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО
АВАНГАРДА В ЦИКЛЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СИВИЛЛА»**

Актуальность поставленной проблемы связана с возрастающим интересом современного цветаеведения к изучению творчества М. Цветаевой в ракурсе освоения поэтессой художественного опыта русского Авангарда.

Многие цветаеведы отмечают сближение лирической системы М. Цветаевой с эстетической парадигмой русского Авангарда (Е. Фарыно [1], Е. Эткинд [2], Зубова [3], О. Клинг [4], Н. Осипова [5] и др.). Ученые акцентируют наличие в поэзии М. Цветаевой обращения к теме Скифии, словотворчеству, карнавальности, воспроизведения перформативных элементов и метаморфоз.

При этом цикл «Сивилла» в данном аспекте осмыслен не был, хотя является одним из наиболее показательных произведений в лирической системе М. Цветаевой 20-х годов в плане включения в семантическое поле текста фактора метаморфоз.

Цель данной статьи – выявить признаки авангардной эстетики, способствующие моделированию метаморфоз в цикле «Сивилла».

В 20-е годы в творчестве М. Цветаевой наиболее рельефно проявилась тенденция к освоению авангардной эстетики. М. Цветаева занимала «пограничное» положение по отношению к парадигме русского Авангарда тех лет. Усваивая разнообразный опыт направлений Серебряного века, поэтесса переосмысляла его в аспекте авторского мифа. Приметами авангардной поэтики становятся идеи метаморфоз («Марина», «Сивилла», «Ариадна»), карнавала («Москве»), игры масок («Разлука», «Скифские»). В этот период творчества для М. Цветаевой характерно обращение к многоликости лирического «я», передающего расколотость сознания, фиксацию различных «точек зрения» и смену коммуникативных стратегий. Каждый из образов символически передает психическое состояние (Ярославна, Сивилла, амазонка, Ариадна), своеобразие жизненной позиции, обусловленной архетипической сущностью образа (Марина, Федра, Магдалина, Елена), обреченность на одиночество (Сивилла, Эвридика, Ариадна), связь с поэтическим даром (Сивилла, чародейка, Давид). Многоликость лирического «я» обуславливает особенности проявления авангардной эстетики в лирических циклах М. Цветаевой 20-х годов.

Цикл «Сивилла» можно назвать знаковым в лирике М. Цветаевой. Период написания этого произведения, будучи началом эмиграции, стал переломным в судьбе поэтессы. Не менее важно и то, что цикл «Сивилла» может расцениваться в качестве поэтического манифеста.

Образ мифологической пророчицы выбран М. Цветаевой как наиболее точно отражающий ее концепцию творческого субъекта, мифологему собственной личности, а также эмоциональное состояние, владевшее поэтессой в период создания цикла. К этому времени уже написаны циклы «Хвала Афродите» (1921) и «Молодость» (1921), в которых лирическое «я» отрекалось от своей земной женской сущности и прощалось с молодостью. Черты, противоречащие идее «окаменелости» и отрешенности от земного бытия, были либо отвергнуты, либо претерпели трансформацию. Цикл «Сивилла» становится итогом такой переориентации.

Цикл включает в себя три стихотворения. Тема первого стихотворения – метаморфоза, происходящая с Сивиллой. Смысловая доминанта лирического сюжета – переживание героиней состояния одержимости и утрата юности. Сивилла пребывает в стадии глубокого изменения и благодаря болевому перерождению становится пророчицей. В 20-е годы М. Цветаева фиксирует измененные состояния сознания – стадию приобщения к Иномирию. Это сближает ее творческие искания с эстетикой Авангарда. Как известно, «авангард акцентирует именно те моменты выхода в инобытие творящего субъекта, которые можно охарактеризовать как моменты чистого вдохновения, одержимости, экстаза, или – глубокого погружения в «иное» [6; 59]. Переживание Сивиллой экстаза лишает ее земных чувств, но наделяет медиальным статусом.

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Стихотворение образует широкое семантическое поле, куда входят значения: «выжжена», «выпита», «выбыла», «сушь» и «все птицы вымерли». В контексте стихотворения этот ряд указывает на процесс убывания плоти. Е. Фарыно отмечает: «Цветаевские развоплощения касаются в основном ее «я» и реализуются в виде отключаемости всяких связей с внешним миром => иссякание плоти => избавление от чувственности => души и, наконец, от => духа» [1].

Вследствие метаморфозы Сивилла отождествляется с деревом.

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.

Дерево в поэтическом мире М. Цветаевой – знак психотипа лирической героини («Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина / На всем протяженьи ствола»¹), символизирует жизнестойкость («Я из рода дубов»²) и двойственную природу, сочетающую земное начало и устремленность в высь («Из недр земных – и до неба: отсюда / Моя двуединая суть»³). С другой стороны, образ дерева соотносится поэтессой с идеей божественного / природного начала (Ср. цикл «Деревья» и др.). Отождествление Сивиллы с горящим деревом символизирует жертвенность взамен приобщения к трансцендентному.

Последняя стадия метаморфозы – превращение Сивиллы во вместилище божественного голоса.

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность пещерой став
Дивному голосу...
– так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

Мотив поглощения реализуется не только в значении одержимости божественной силой, но и связан с символикой женского начала: «во мне», «бренная девственность», «пещера». При этом женское начало («во мне») сакрализуется и противопоставляется чуждому и земному пространству («извне»). Аллюзия на сакральность и связь с Богом проявляется в упоминании Благовещенья. М. Цветаева сознательно контаминирует языческую пророчицу и Богородицу. Отказ от земного счастья взамен обретения медиального статуса признается «Благовещением». История болевого преображения Сивиллы – метафора пути поэта.

Во втором стихотворении цикла, тема которого – одиночество Сивиллы, продолжают развиваться мотивы древности, отстраненности от земного и образ пещеры – вместилища голоса.

¹ «В сновидящий час мой бессонный, свиный...» (1921).

² «Безупречен и горд» (1918).

³ «В сновидящий час мой бессонный, свиный...» (1921).

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего.

Сближение творчества М. Цветаевой в 20-е годы с авангардной аксиологией порождает акцентирование «вдохновения как одержимость «иным» [6; 65]. Мотив одержимости Сивиллы реализуется через образ слепоты и глухонемой крепости.

Недрами – в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротой жниц.

Кроме значения отрыва от земного бытия, мотив слепоты лирической героини вызывает ассоциацию со сном или трансом. Сон осознается М. Цветаевой как возможность приобщения к Иномирию и знак творческого начала (циклы «Бессонница», «Разлука», «Сон»). Эту мысль поэтесса отразила в статье «Искусство при свете совести»: «Состояние творчества есть состояние сновидения...» [8; 44]. Состояние сна / слепоты вводит мотив самоотречения и ощущения нереальности своего существования.

Сивилла, превратившаяся во вместилище голоса – амбивалентный образ, включающий в свою структуру и символику женского начала (пещера), и его утрату (каменная глыба). Отказ от женственности в творчестве М. Цветаевой соотносится с проявлением истинного призвания, трансформирующего лирическую героиню («Любовь! Любовь! Куда ушла ты?», «Разлука», «Хвала Афродите» и др.), придавая ей андрогинные черты (Орлеанская Дева, Амазонка, Сивилла). Завершением метаморфозы становится окаменелость, раскрывающая состояние отрешенности Сивиллы от окружающего мира. Образ каменной глыбы задает значение нерушимости («Тысячелетья плещут / У столбняковых глыб»), противопоставляемое тщете земных благ («Глиняные осколки / Царств и дорожный прах / Битв»).

Последнее стихотворение цикла «Сивилла – младенцу», в отличие от предыдущих, имеет название, фиксирующее направление коммуникации. Монолог Сивиллы, обращенный к младенцу, имитирует колыбельную, которая носит закликательный характер и переходит в предсказание судьбы. Рефренное построение стихотворения выделяет мотив оплакивания («Плачь, маленький...»), подразумевая предерженность страдания.

Тема предсказания судьбы вводит мотив рождения и мотив смерти.

С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.

Композиционно стихотворение можно разделить на две части. В первой части раскрывается мотив рождения как переход от жизни небесной к жизни земной («падение в дни»), вторая часть посвящена развитию мотива смерти («падение в твердь»). Стихотворение строится на антитезе небесного и земного, истинного и ложного, вечного и бренного. Жизнь связывается с низом и падением, время – с тленностью («И в прах / И в час»), а смерть – с возвращением в небесный мир (ср. «Дочь Иаира», «Деревья», «Жизни»).

Такая оппозиция созвучна мифологическому мышлению, где земное время понимается «как конечное и прерывное», противопоставляясь «Божественному Времени», соотносимому с «верхним миром» [9; 89].

Кровь, связанная с мотивом рождения, выступает атрибутом материального мира, и в то же время ассоциируется со страданием и жертвенностью. Ощущение покинутости Богом («Где зарева его чудес? <...> / Где залежи его щедрот?») и упоминание «Благовещенья» в первом стихотворении позволяют соотнести младенца с Иисусом Христом. Подобное восприятие усиливается введением мифологемы «Восстанья в день» синонимичной Воскресению Христову. Тема предсказания судьбы божественному ребенку задает мотив связи с вечностью.

Цикл «Сивилла» показателен репрезентацией авторской концепции творческой личности. Каждое стихотворение становится этапом в раскрытии внутреннего состояния Сивиллы.

В первых двух стихотворениях цикла поэтический дар трактуется автором как переживание экзистенции откровения. В третьем стихотворении образ ребенка – знак коммуникации, являющейся для лирической героини возможностью преодолеть одиночество.

Метаморфоза, происходящая с Сивиллой, позволяет отразить измененное состояние сознания героини. Образ Сивиллы в каждом стихотворении предстает в стадии концептуально-семантических трансформаций. Идея метаморфозы способствует самоидентификации с рядом образов, входящих в авторскую персонифицированную сферу (мученица, пророчица, Богородица, женщина-поэт). Трансформации сознания лирического «я» акцентируют его многоликость: «древо меж дев», каменная глыба, мать, обладающая вещим даром. Единство лирического «я», представленное в различных ипостасях, обеспечивает целостность цикла, преодолевая возникающую раздробленность сознания, присущую авангардной эстетике.

В данной статье цикл «Сивилла» рассмотрен с точки зрения моделирования акта метаморфоз как одной из базовых категорий раннего Авангарда. Такой подход предлагает возможный вариант решения проблемы сближения лирической системы М. Цветаевой 20-х годов с эстетикой русского Авангарда и открывает перспективы дальнейшего исследования.

Источники и литература:

1. Фарыно Е. Два слова о Цветаевой и авангарде : [Электронный ресурс] / Е. Фарыно. – Режим доступа : <http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm>
2. Эткинд Е. Путь к России. О сборнике Марины Цветаевой «Ремесло» / Е. Эткинд // Марина Цветаева в критике современников : в 2-х ч. – М. : Аграф, 2003. – Ч. II : 1942-1987 годы. Обреченность на время. – С. 459-476.
3. Зубова Л. В. Цикл Марины Цветаевой «Скифские» – послание Борису Пастернаку : [Электронный ресурс] / Л. В. Зубова. – Режим доступа : <http://www.ipmce.su/~tsvet/WIN/zubova/skif.html>
4. Клинг О. Три волны Авангарда : [Электронный ресурс] / О. А. Клинг // Арион. – 2001. – № 3. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/arion/2001/3/klng-pr.html>
5. Осипова Н. О. Мифопоэтика лирики Цветаевой / Н. О. Осипова. – Киров : Вятский гос. пед. ун-т, 1995. – 118 с.
6. Тырышкина Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов : от декаданса к авангарду / Е. В. Тырышкина. – Новосибирск: НГПУ, 2002. – 151 с.
7. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – Т. 2 : Стихотворения. Переводы / сост., подгот. текста и коммент.: А. Саакянц, Л. Мнухина. – 592 с.
8. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – Т. 5, кн. 2 : Статьи. Эссе. Переводы / сост., подгот. текста и коммент.: А. Саакянц, Л. Мнухина. – 1997. – 400 с.
9. Маковский М. М. Время / М. М. Маковский // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – С. 89-98.

Ходарєва І.М.

УДК 821.16

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНЕ ПОЛЕ ЛЮБОВ: АКСІОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНІВ П. ЗАГРЕБЕЛЬНОГО)

Категорія оцінки є предметом вивчення багатьох гуманітарних наук – філософії, логіки, психології, етики. Основи дослідження категорії оцінки закладено в працях В. фон Гумбольдта, який вважає категорію оцінки однією з найяскравіших ланок проблеми взаємозв'язку мови й світобачення народу, мови й національного характеру, мови й культури народу [7]. На зв'язок мовної оцінки з національним характером, розвиваючи вчення О. Потебні, вказує і В. Русанівський: «У всякого народу є своє уявлення про позитивні і негативні предмети, явища, їх ознаки» [11, с. 59]. Визначенню категорії оцінки й засобів її реалізації присвячено праці таких лінгвістів, як Н. Арутюнова, А. Баранов, А. Бурячок, Г. Винокур, О. Вольф, В. Гак, А. Голованевський, Т. Космеда, В. Лопатін, К. Святчик, Ж. Соколовська, Н. Сукаленко, В. Харченко, В. Чабаненко, В. Шаховський. Мовознавці розглядають категорію оцінки, з одного боку, співвідносячи її з модальністю, емоційністю, експресивністю, а з другого – як «різновид номінативної функції мовного знаку...», хоча Г. Винокур і відзначає, що оцінне значення одиниці мови, тобто позначення явищ дійсності з їх позитивними і негативними ознаками не є стилістичним і його не можна розглядати як конотацію [3, с. 60]. Натомість, О. Вольф, досліджуючи оцінне значення в системно-семасіологічному і прагматичному аспектах, визначає його як різновид емотивних (або конотативних) значень, які, на її думку, «співіснують в окремій лексичній одиниці з її дескриптивними значеннями, утворюючи складне самостійне ціле» [4, с. 248]. Як зазначає Н. Арутюнова, оцінка – «найбільш яскравий представник прагматичного значення», яким зазвичай вважають «те значення, якого набуває слово (чи висловлювання) в ситуації мовлення» [1, с. 5]. До основних елементів структури оцінки належить аксіологічна шкала, яка об'єднує різні або протилежні ознаки, за якими можуть кваліфікуватися предмети, дії, ознаки, і представлена як асиметрична опозиція «добре/погано», «схвалення/несхвалення» і «відповідність/невідповідність» певних ситуацій, явищ, подій, вчинків, осіб, предметів тощо.

Метою пропонованого дослідження є виявлення аксіологічного компонента значення у словах лексико-семантичного поля *любов*, опис засобів вираження оцінки на усіх рівнях мовної системи. Для досягнення поставленої мети передбачено виконання таких **завдань** – проаналізувати образні засоби художньої мови письменника в контексті виявлення аксіологічного компонента, виявити засоби вираження оцінки на різних рівнях мовної системи. Наукову розвідку здійснено на основі картотеки матеріалів з романів Павла Загребельного, що ілюструють своєрідність семантики одиниць лексико-семантичного поля *любов*.

Засоби вираження оцінки у словах лексико-семантичного поля *любов* надзвичайно різноманітні. У художніх текстах Павла Загребельного оцінні значення охоплюють усі рівні мовної системи – лексичний, морфологічний, синтаксичний. Розглянемо оцінні значення, які належать до лексичного рівня мовної системи. Лексична оцінна семантика реалізується через денотативний чи конотативний макрокомпонент значеннєвого плану лексичної одиниці, оскільки «слово не тільки містить граматичні та лексичні,